

На правах рукописи

ВЕЛИКАЯ НАТАЛИЯ МИХАЙЛОВНА

**ИДЕЙНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ И
МЕХАНИЗМЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОНСОЛИДАЦИИ
СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА**

Специальность: 23 00 02

1 Политические институты, этнополитическая конфликтология,
национальные и политические процессы и технологии
(политические науки)

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
доктора политических наук

САРАТОВ - 2005

Работа выполнена в Саратовском государственном социально-экономическом университете

Официальные оппоненты:

Доктор философских наук, профессор,
Член-корреспондент РАН
Дмитриев Анатолий Васильевич

Доктор политических наук, профессор
Фомин Олег Николаевич

Доктор политических наук, профессор
Чернышов Алексей Геннадиевич

Ведущая организация:

Санкт-Петербургский государственный политехнический университет

Защита состоится 21 февраля 2005 г. в 13 часов на заседании диссертационного совета Д.212.241.01 при Саратовском государственном социально-экономическом университете по адресу: 410003, Саратов, ул. Радищева, 89, ауд.843

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Саратовского государственного социально-экономического университета по тому же адресу.

Автореферат разослан 18 января 2005 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Николаев А.Н.

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ.

Актуальность темы исследования. Реальности и противоречия постсоветской трансформации российского общества, сопровождающиеся процессами дифференциации и дезинтеграции на всех уровнях общественной системы, потребности в устойчивом развитии политической системы диктуют необходимость изучения особенностей политической консолидации российского общества. Актуализирует изучение консолидации и многосоставной характер российского общества, связанный с различиями территориального, этнического, религиозного и социокультурного характера, затрудняющий интеграционные процессы.

Поиск механизмов консолидации остается сегодня одной из важнейших задач политической элиты. Не случайно в последнем послании Президента РФ к Федеральному Собранию РФ (май 2003) идея консолидации подавалась как главная инструментальная идея государства¹.

Необходимость формирования идеологии консолидации общества на сегодняшний день осознана и интеллектуальной элитой², признавшей, что деидеологизация и разрушение идеологической структуры общества в постсоветский период, обусловленные необходимостью отказа от коммунистической идеологии, привели к тому, что руководство страны в начале 90-х годов отказалось и от государственной идеологии, результатом чего, во-первых, явилась размытая концепция реформирования общества, реализация которой привела к глубокому экономическим и политическим кризисам, а во-вторых, усилившийся разрыв между властью и обществом.

Консолидация по-разному понимается разными центрами власти. Так, большинство политических деятелей настаивают на консолидации, в т.ч. политической, по старым традиционным социально-классовым и идеологическим основаниям, что весьма проблематично в условиях деидеологизации общества и известной партофобии россиян. Кроме того, партии, как эффективные институты гражданского общества, как структуры, обеспечивающие вертикальную интеграцию общества, еще не сложились.

Власть, в полной мере осознавая опасность дезинтеграционных процессов, в политической практике исходит из корпоративной идеологии укрепления государства в форме «вертикали власти» без учета актуальных интересов общества, которое продолжает дистанцироваться от власти, разрушая ткань политического пространства.

¹ Послание Президента РФ Путина В.В. Федеральному Собранию РФ, 16 мая 2003 г. М., «Единая Россия», 2003. - С.3

² Алексеева Т.А., Капустин Б.Г., Пантин И.К. Интегративная идеология. Круглый стол // Полис. 1997 - № 3.; Попов М.Ю. В поисках идеологии консолидации // Социс. 2004. № 10. С. 128-130.;

Между тем политическая консолидация в обществе трудно достижима в условиях глобального кризиса идентичности, который переживает сегодня российский общество. Он проходит на фоне идеологического хаоса, разрушения базовых духовно-нравственных основ социального бытия, снижения роли российской культуры в общероссийском и общемировом цивилизационном процессе. Во многом указанный кризис идентичности связан с несоответствием идеологических моделей реформ традиционным ценностям российской культуры, с отсутствием общенациональной идеологии, способной консолидировать социум в единое духовное пространство.

В современной России мы наблюдаем несовпадение между тенденциями политико-идеологического, политико-институционального и социально-экономического процессов. Инициатором всех реформ в России выступает государство, беря на вооружение те идеологические конструкты, которые в той или иной степени могут оправдать его действия. Пример тому - бесконечные реформы и в области экономики, и социальной политики, и в системе государственного управления (административная, федеративная и т.д.). А общество, пережив культурную травму (как столкновение исконных цивилизационных ценностей с новыми, навязанными извне³, находится по отношению к курсу реформ в догоняющем состоянии. При этом неуспех многих реформ в рамках рецидивирующей модернизации проявился в форме эффекта отторжения, т.к. ценностный мир большой массы индивидов, обладая качествами трансторического характера, сталкиваясь с новациями, оказывается несовместимым с ними.

Все вышесказанное делает актуальным обращение автора диссертационного исследования к данной проблематике.

Степень научной разработанности. Несмотря на актуальность проблемы, она, являясь новым направлением исследований в отечественной науке, пока не нашла должного отражения в политологической литературе. Проблема консолидации опосредованно освещается в работах, посвященных текущему политико-идеологическому процессу, социально-политическим трансформациям российского социума, при этом акцент делается в основном на процессах дифференциации и дезинтеграции.

Публикации по теме охватывают несколько направлений.

Первая группа включает фундаментальные политологические и социологические публикации идейно-мировоззренческого, концептуального уровня, в которых поднимаются вопросы и решаются задачи, связанные с осмыслением перспектив дальнейшего общественного развития, что в существенной степени подпитывает политико-интеллектуальный, партийно-идеологический процесс в современных условиях. Это работы А.Абдель-

³ Штомика П. Социальное изменение как травма // Социологические исследования. 2001. № 1-2.

малека, О.Андерле, Р.Арона, А.С.Ахиезера, М.А.Батунского, Ф.Броделя, Ф.Бэгби, М.Вебера, Л.Н.Гумилева¹, А.Я.Гуревича, Н.Я.Данилевского, Л.Дюмона, Б.С.Ерасова, В.Каболиса, Э.Калло, М.Мелко, С.Х.Насра, К.Райта, М.Ревона, Д.Ричардсона, Р.Робертсона, П.Сорокина, Б.С.Старостина, А.Тойнби, С.Хантингтона, О.Шпенглера, Ш.Эйзенштадта, Н.Элиаса, К.Ясперса⁴ и др. Отмеченные авторы выступают как сторонники либо цивилизационной, либо миросистемной теории. Важным достоинством их исследований является то, что они дали системное изложение основных приоритетов общественного развития, представили обществу наиболее целостное видение перспектив его развития.

Следующую группу представляют работы, посвященные методологии изучения политических процессов и политических систем, изучению моделей и типов общественного развития применительно к транзитивным обществам (в т.ч. к российскому). Наиболее значимы среди них работы Э.Арато и Д.Коэна, Р.Даля, Ю.Качанова, Дж. Стура, А. Лейпхардта, Д.Ростсоу, Р. Рича и Д. Мангейма, А.Ю. Мельвиль, Е.Ю. Мелешкиной, Ф. Шмиттера, О. Донелла, Ч. Эндрейна⁵.

Процессам социально-политической интеграции и дифференциации российского общества в условиях малоэффективной экономики, дефективного федерализма, плебисцитарной демократии и в целом

⁴ Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта. В 2-х тт. М., 1991; Валлерстайн И. Миросистемный анализ // Время мира. Вып. 1. Итогия макросоциологии в XX в., Новосибирск, 2001; Данилевский, Н.Л. Россия и Европа. М., 1991; Дюман Л. *Noto hierarchicus*: опыт описания системы каст. - М., 2001; Ерасов Б.С. Цивилизации: Универсалии и самобытность - М., 2002; Мелко М. Природа цивилизации// Время мира. Вып. 2. Итогия макросоциологии в XX в., Новосибирск, 2001.; Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. Пер. с англ. М., 2004; Шпенглер О. Закат Европы; Очерки морфологии мировой истории: Пер. с нем. - М, 1998 -. - в 2 тт.; Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., Республика, 1994.

⁵ Коэн Д.Л., Арато Э. Гражданское общество и политическая теория: Пер. с англ. М., 2003; Даль Р. О демократии. Пер. с англ. М, 2000; Качалов Ю.Л. Политическая топология: структурирование политической действительности. - М., 1995.; Лейпхард А. Демократия в многосоставных обществах. Сравнительное исследование. М, 1997; Стур Дж. Дж. Открывая демократию заново // Полис. 2003 - № 5-6; Росту Д. Переходы к демократии: попытка динамической модели // Полис. 1996. №; Мельвиль А.Ю. Демократические транзиты. Теоретико-методологические и прикладные аспекты. М., 1999; Мелешкина Е.Ю. Политический процесс: Основные аспекты и способы анализа. М., 2001.; Мангейм Д.Б., Рич Р.К. Политология. Методы исследования. - М., 1997; O'Donnell G. *Transitions, Continuities, and Paradoxes* // Mainwaring S., O'Donnell G., Valenzuela A. *Issues in Democratic Consolidation*. Notre Dame: University of Notre Dame Press, 1992. P. 17-.; Карл Т.Л., Шмиттер Ф. Демократизация: концепты, постулаты, гипотезы (Размышления по поводу применимости транзитологической парадигмы при изучении посткоммунистических трансформаций) // Полис. 2004.- № 4.; Чарльз Ф. Э. Сравнительный анализ политических систем. Эффективность осуществления политического курса и социальные преобразования. Пер. с англ. М., 2000.

мобилизационной общественной системы посвящены публикации российских ученых: Ю.Афанасьева, М.Восленского, Я.Гилинского, Л.Гордона, Л.Гудкова, В.Дорофеева, В.Долгова, Л. Дробижевой, М.Джиласа, А.Дмитриева, А.Здравомыслова, Ю.Качанова, Ю.Левады, Э.Паина, Р.Рывкиной, П.Симуша, Е.Старикова, В.Староверова, Ж.Тошенко, О.Шкаратана, В.Шубкина и др., где проблемы социально-политической консолидации и интеграции общества поднимаются в связи с анализом общей эволюции социальной структуры и политической системы.

В отечественной литературе в качестве факторов трансформации (в т.ч. и консолидации) рассматриваются и социальные институты (такой анализ осуществлялся Г.Голосовым, В.Гельманом, А.Сунгуровым, Ю.Шевченко, В.Лапаевой, Т.Шмачковой)⁷, и социальная структура общества (работы Ю.Арутюняна, Л.Беляевой, З.Голенковой, Н.Ершовой, Т.Заславской, В.Радаева, М.Руткевича, М.Шабановой, В.Ядова)⁸, и социокультурные феномены (исследования Н.Лапина, В.Лапкина, В.Пантина, К.Холодковского, В.Левашова)⁹.

Проблемам национально-культурной идентичности и отчасти анализу «русской идеи» посвящены монографии С. Картунова, Н.Козина,

⁶Афанасьев Ю. Опасная Россия. Традиции самовластья сегодня. М., 2001; Восленский М. Номенклатура, господствующий класс Советского Союза. М., 1991; Гудков Л., Дубин Б. Идеология бесструктурности (интеллигенция и конец советской эпохи) // Знамя. 1994,- № П.; Джилас М. Лицо тоталитаризма. М., 1992. Здравомыслов А.Г. Социология российского кризиса: Ст. и докл. 90-х гг. М., 1999.; Левада Ю.А. От мнений к пониманию. Социологические очерки, 1993-. М.,2000.; Стариков Е. Маргиналы и маргинальность в советском обществе//Рабочий класс и современный мир.1989. - №; Тошенко Ж.Т.Парадоксальный человек. М, 2001; Паин Э.А. Этнополитический маятник: цикличность этнополитических процессов в постсоветской России // ОНС. 2003. - № 5,6.

⁷ Гельман В.Я. Трансформация в России: политический режим и де- демократическая оппозиция. М., 1999.; Голосов Г.В. Измерение российских региональных избирательных систем // Полис. 2001. № 4.; Шмачкова. Теории коалиций и становление российской многопартийности // Полис. 1996. № 5.

⁸ Арутюнян Ю.В. Трансформация постсоветских наций. По материалам этносоциологических исследований. М., 2003.; Беляева Л.А. Социальная модернизация в России в конце XX века. М., 1997.; Заславская Т.И. Социальная траектория реформируемой России: деятельностно-структурная концепция. М., 2002.; Руткевич М.Н. Общество как система. Социологические очерки. СПб., 2001.; Шабанова М.А. Социология свободы : Трансформирующееся общество / М.: МОНФ, 2000.

⁹ Холодковский К.Г. О корнях идейно-политической дифференциации российского общества / Человек в переходном обществе. Социологические и социально-психологические исследования. М., 1998.- С 79-81.; Лапкин В., Пантин В. Ценностные размежевания и социально-политическая дифференциация в России // МЭМО. 2000. №. *Лапин НИ Пути России; социокультурные трансформации.* - М.: 2000; Левашов В.К. Резервы социополитической консолидации российского общества// Вестник социологического центра РАГС. 2003. - № 6.

В.Акулинина, А.Ланченко, Х.Сабилова, В.Сагатовского, В.Щученко¹⁰, а также защищенные в последние годы диссертационные работы Пастухова В.Б., Крамника В.В., Петровой М.В., Матвеевко Е.И., Донченко Д.В., Буренко В.И., Романовой Н.В., Морозовой Е.А., Прилепского В.В. и др.

Среди работ по проблемам идеологии и институционализации политического процесса в современном российском обществе следует выделить таких авторов как М.В. Ильина, С.И. Барзилова, А.Г. Чернышова, В.Я. Гельмана, К.А. Сулимова, Е.В. Шестопал, О.В. Гаман-Голутвиной, Э.Д. Дагбаева, В.В. Лапкина, Б.В. Межуева, Н.В. Анохиной, А.А. Дегтярева, Б.Г. Капустина, О.В. Крыштановской, П.В. Попова, Л.А. Фадеевой, А.В. Дахина, И.Н. Кравченко, Я.А. Пляйса, М.В. Черникова, Ю.Г. Чернышова, И.Л. Морозова, Г.В. Дыльнова, Л.Н. Вдовиченко, С.К. Ознобинцева, А.Г. Уледова¹¹ и др.

Цель исследования - проанализировать роль политико-идеологических факторов и ментально-мировоззренческих оснований, их институционально-концептуальное содержание в социально-политической консолидации современного российского общества в проекции перспектив становления гражданского, информационного социума.

В зависимости от содержания цели формируются задачи исследования: рассмотреть характер и политические механизмы социальной консолидации и интеграции современного российского общества и их соотношение с механизмами его дифференциации и дезинтеграции;

исследовать ментально-идеологические основания социальной идентификации постсоветского социума;

проанализировать сущность социального единства и целостности общества в их обычном (гражданском) и измененном (мобилизационном) вариантах;

исследовать социальные и идейно-ментальные основания и резервы перехода общества от мобилизационного к гражданскому типу;

охарактеризовать политико-институциональную сущность ментально-идеологических факторов политической консолидации современного российского общества;

¹⁰Акулинин, Владимир Николаевич. Философия всеединства: От В.С. Соловьева к П.А. Флоренскому / Новосибирск, 1990.; Картунов С. Россия: национальная идентичность на рубеже веков. М., 1997; Козин Н. Постижение России. Опыт историософского анализа. М, 2002; Сагатовский В.Н. Русская идея: продолжим ли прерванный путь? СПб., 1994.

¹¹Ильин М.В. Идеальная модель политической модернизации и пределы ее применимости. М., 2000.; Картунов С. Россия: национальная идентичность на рубеже веков. М., 1997; Капустин Б.Г. Идеология и политика в посткоммунистической России. М., 2000; Крыштановская О.В. Трансформация бизнес-элит России: 1998-2002 // Социс. 2002. № 8.; Пантин В.И. Циклы и волны модернизации как феномен социального развития. М, 1997.; Уледов А. К. Общественная психология и идеология М.,1985. Шестопал Е.Б. Психологический профиль российской политики 1990-х. М., 2000.

выявить характер и структуру социальных субъектов современного политико-идеологического процесса в российском обществе;

рассмотреть роль традиционных слоев российского общества в политической консолидации населения;

проанализировать идейно-мировоззренческое влияние новых слоев (нового среднего класса, новых бедных, «новых русских») на социальное единство и политическую дифференциацию общества;

дать оценку роли и возможностей применения традиционных концептуальных систем («русской идеи», евразийства, либеральной, социалистической концепций) в политической интеграции российского социума;

выявить причины и механизмы социально-политической инерции и торможения при переходе от социалистической (коммунитарной) ментальности к посттоталитарному общественному сознанию;

Объект исследования - процесс социально-политической консолидации современного российского общества.

Предмет исследования - сущностные характеристики идейно-политических факторов и ментальных оснований в консолидации российского социума.

Новизна работы:

разработано новое теоретико-методологическое обоснование источников формирования социально-политической консолидации изменяющегося общества;

впервые в качестве самостоятельного направления рассматривается роль политико-идеологических и ментально-мировоззренческих оснований в их единстве и через воспроизводство в определенных политических институтах в социально-политической консолидации современного российского общества;

разработана авторская концептуальная модель политической консолидации современного российского общества, учитывающая диалектику единства и взаимодействия процессов интеграции и дифференциации, которым придается исторически закономерное и позитивное содержание;

уточнено и расширено понятие политическая консолидация общества; выделены этапы политической консолидации (консолидация-адаптация, консолидация-идентификация, консолидация-трансформация);

по-новому охарактеризована роль идейно-ментальных оснований в консолидации общества, которые связываются с достижением социально-политических целей, сопряженных с практиками становления гражданского, информационного общества; оригинально представлены институционализация и концептуализация общественной воли и общественного мнения как показатели жизнеспособности общественного организма;

при анализе особенностей уровневой ментальной идентификации российского социума, раскрывается разновекторность и противоречивость ментальных характеристик различных социальных групп, что является тормозящим фактором трансформаций;

впервые обоснована логика формирования социального единства и политической целостности современного российского общества через взаимодействие его социально-общественных и институциональных структур, социально-политического и социально-организационного уровней;

в авторской интерпретации сформулированы положения о соотношении социальных ожиданий, надежд на будущее населения и идеологии;

самостоятельно исследованы методологические и методические основы социально-политической консолидации российского общества в условиях структурной перестройки экономики;

обоснована необходимость новых форм консолидации социальных групп в региональных социумах, включающих взаимные обязательства политических партий, НКО, персоналов предприятий и органов власти.

Теоретико-методологическая основа работы. Методологическая база исследования представляет собой синтез методологии собственно политологической науки, связанной с анализом современных российских политических институтов и общественного процесса; социологической науки, чья методология позволяет осуществить анализ роли социальных субъектов в политической жизни; исторической науки, методология которой фиксирует поступательное развитие социально-политического процесса.

В диссертационном исследовании использована уровневая методология, охватывающая различные по своему масштабу и характеру общественные явления. Прежде всего речь идет о методологии глобального, цивилизационного плана, поскольку на ее основе производится сравнительный анализ трех состояний или моделей общественной трансформации: гражданского, переходного, мобилизационного типов. В частности, привлечены элементы миросистемной теории М. Мелко, С. Сандерсона, Т. Холла¹², сравнительной теории цивилизаций В. Рудометофа и Р. Робертсона, И. Валлерстайна¹³. Через цивилизационные и миросистемные подходы прослеживается взаимосвязь общественных изменений в

¹² См.: Melko M. World Systems Theory: Fanstian Delusion?//Comparative Civilization Review. 1994. №.Р. 8-19.; Холл Т., Чейз-Данн К. Две, три, много миросистем / Время мира. Вып 1., Новосибирск, 2001; Рудометоф В., Робертсон Р. Глобализация, миросистемная теория и сравнительная теория цивилизаций / Сравнительное изучение цивилизаций: Хрестоматия.: Учеб. пособие для студентов вузов / Сост., ред. и вступ. ст. Б.С. Ерасов. М.: Аспект Пресс, 1999,

¹³ Валлерстайн И. Цивилизация, цивилизации и мировая система / Цивилизации. - Вып. 2. М: Наука, 1993; Валлерстайн И. Миросистемный анализ // Время мира. Вып 1. История макросоциологии в XX в., Новосибирск, 2001.

современном российском обществе и в других социально-политических системах. Это необходимо для определения точки отсчета в анализе российских политических процессов как составной части процессов глобализации.

Второй методологический уровень связан с определением, как действуют в российских условиях международные нормативы, методологические установки и ментальные стереотипы¹⁴. Здесь основное внимание уделяется возможностям и пределам адаптации зарубежной методологии к российским политическим реалиям. Большую ценность этот методологический уровень имеет для анализа различных идеологических концепций и их социальных носителей. Он позволяет оценить универсальный характер некоторых идейно-мировоззренческих постулатов, а также границы их использования в российских условиях.

Методологической основой анализа идентификационного потенциала российского социума стали: философско-антропологические теории и идеи отечественных философов, раскрывающие особенности русской культуры и бытия в ней человека и посвященные анализу содержания и специфики русской идеи (Н.Бердяева, С.Булгкова, В.Розанова, П.Струве, В. Иванова, В.Соловьева, И.Ильина, А.Лосева, Е.Трубецкого. Г.Федотова, П.Флоренского, С.Франка, К.Леонтьева).

Третий уровень методологических установок связан с использованием определенных принципов анализа по отдельным вопросам проблемы, таких как учет социального и экономического контекста политических действий; потребностей и интересов как детерминирующего фактора политики; исторической обусловленности политических явлений, политической идеологии как формы общественного сознания и т.п.¹⁵

Более частные методологические системы были использованы нами с точки зрения интерпретации ими некоторых базовых политологических категорий, таких как идеология, ментальность, свобода, мобилизационный социальный порядок, насилие, принуждение, информационный ресурс и капитал, информационное и гражданское общество¹.

Поскольку в работе речь идет как о процессах институциональных изменений, так и о политико-идеологических процессах, о ментальное™

¹⁴ См.: «Сопrotивление материала». Международные нормативы на российской почве. Доклад независимой группы экспертов. М., 1999.

¹⁵ Элементы теории политики. Пер. с польского. Ростов-на-Дону, 1991.; Аксютц В. Идеократия в России. М., 1995.; Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта. В 2-х тт. М., 1991. Дюверже М. Политические партии. М: Академический проект, 2000.

¹⁶ Дмитриев А.В. Насилие: социально-политический анализ. М., 2000; Дюмон Л.. Генезис и расцвет экономической идеологии. М., 2000; Мангейм К. Идеология и утопия / Мангейм К. Диагноз нашего времени. М., 1994; Троцкий Л. О нашей революции. СПб, 1993;.. Сорокин П. Современное состояние России/ Сорокин П. Общедоступный учебник социологии. Статьи разных лет. М., 1994.

общества, считаем, что системная методология¹⁷ должна дополняться методологией модерна¹⁸, которая фиксирует внимание на новых реалиях, связанных с новыми моментами и в потреблении, и в идеологическом процессе. Особенно значимым для нас является понятие «жизненного мира», развитого Франкфуртской школой социологов¹⁹, который понимается как сфера повседневного бытия человека и в своих символических структурах воссоздается через процессы культурного воспроизводства, социальной интеграции и социализации.

Считаем обоснованным применение и институционального, и системно-структурного, и конфликтологического, и социокультурного подходов к различным сторонам политического процесса консолидации .

Эмпирическая база исследования. Эмпирическую базу исследования составили данные социально-экономической и политической статистики об экономических и политических процессах в стране за период 1995-2003 гг.; результаты конкретно-социологических исследований, проводимых с участием автора: «Политическая культура российской провинции», проведенного Центром социологических исследований РГГУ под руководством автора в марте и сентябре 2003 г. (N - 680, 1600) в Саратовской области; «Информированность населения о политических партиях и политических лидерах фракций Государственной Думы ФС РФ», проведенного Центром социологических исследований РГГУ под руководством проф. Е.А.Гришиной в Москве, Тульской, Саратовской, Московской областях в апреле-мае 2003 г. (N - 1800); Кафедры социологии и политологии Саратовского государственного технического университета под руководством профессора СИ. Барзилова в Саратовской, Тамбовской, Пензенской, Волгоградской областях по проблемам эффективности основных средств идеологической работы администраций субъектов федерации и местными организациями политических партий. (N - 2300); Исследования ИСЭП АПК РАН (1994-2000 гг.); «Развитие федерализма и МСУ» в Саратове и Санкт-Петербурге в 1999, 2000 гг. (N- 860,1300). Кроме этого, в работе использованы результаты некоторых исследований ФОМ, ВЦИОМ, ИКСИ РАН за 1996-2003 гг., Центра социальных исследований

¹⁷ Руткевич М.Н. Общество как система. Социологические очерки. СПб.:Алетейя, 2001.

¹⁸ См.: Турэн А. Возвращение человека действующего. М., 1998; Wiswede G. Soziologie. Verlag modende Industrie. Landsberg am Lech, 1991;

¹⁹ Хабермас Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории. СПб., 2001.

²⁰ Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики/Пер. с англ. М., 1997.; Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М., 1995.; Козер Л. Функции социального конфликта.М., 2000.Дмитриев А.В. Социальный конфликт: общее и особенное. М, 2002.; Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика. СПб., 2000.

«РОСС- XXI век» 2003 г., группы «Перспективы Поволжского регионализма» Московского общественного научного фонда 1999-2000 гг.

Положения, выносимые на защиту:

- Политическая консолидация достигается через взаимодействие процессов интеграции и дифференциации общества. Мы выделяем три основных этапа политической консолидации общества. Первый этап — адаптация, когда интеграция и дифференциация в изменении своего соотношения способствуют приспособлению к новым, изменившимся условиям среды. Второй этап - идентификация, когда индивиды начинают отождествлять себя с новыми реалиями, считать их социально ценными и значимыми. Третий этап - трансформация, когда интеграция-дифференциация меняют систему и ее функции.

- Современную политическую систему в России мы обозначаем как измененную или мобилизационную. Сущность мобилизационного или измененного порядка заключается в состоянии политической системы, в котором внешнее регулирование доминирует над саморегулированием.

- В современной России взаимодействие политико-идеологической, ментальной системы и политических институтов реализуется в первую очередь как консолидация-адаптация. Новые идеологии и ментальные установки воспринимаются каждым политическим институтом или социальной общностью дифференцировано, в зависимости от характера группового институционального интереса.

- Социально-экономическая дифференциация российского общества не соответствует его политико-идеологической дифференциации, что актуализирует идентификацию на основе политико-идеологических, ментально-мировоззренческих оснований. Идеино-ментальная идентификация представляет собой определенную систему и включает в себя ряд показателей: а) содержание ментальной идентификации; б) ее формы и уровни; в) символы идентификации; г) механизмы идентификации; д) принципы; е) социально-политические последствия идентификации. На стадии идентификации идеология и ментальные стереотипы осваиваются, становятся частью социально-политической природы социальных субъектов (прежде всего новых социальных слоев).

В условиях преобладания негативной идентификации над позитивной, процессы политической дифференциации тяготеют к перерастанию в процессы дезинтеграции. Политические идентичности россиян носят неустойчивый, лабильный характер.

- Трансформация представляет собой наиболее сложный момент консолидации, когда коренным образом изменяется природа субъектов консолидации. Под явления трансформации попали «новые бедные», новые средние слои, административная элита, интеллигенция, которая частью перешла в элиту, частью маргинализировалась и частью сохранила

традиционные для себя качества. Этот процесс еще не завершен и находится в начальной стадии.

- Современное состояние российского общества позволяет говорить лишь о реализации первого этапа консолидации общества - консолидации-адаптации, связанной с массовым осознанием невозможности реставрации прежней социальной системы.

- Основные общественные группы в России сильно дифференцированы по качеству жизни, имеют разнонаправленные социокультурные интересы, что в совокупности с различными идейно-политическими и ментальными факторами способствует сохранению конфликтогенного характера современному российскому социуму.

- Организационно-политические, властно-волевые методы политической консолидации не дают пока положительных результатов, т.к. слабо координируются с потребностями общественного развития и интересами различных социальных групп общества.

- Положительные сдвиги от политической пассивности массовых слоев населения к прямому, непосредственному участию его в политическом процессе могут быть достигнуты при: а) дальнейшем совершенствовании местного самоуправления в контексте влияния граждан на принимаемые решения;

б) уточнении распределения полномочий между различными уровнями власти; стабилизации федерализма;

в) идеологической и организационной поддержке инициатив местных (локальных) сообществ по позитивному воздействию как на условия своей жизнедеятельности, так и давления на бюрократию бизнеса и власти, допускающих нарушение их прав.

Практическая значимость исследования состоит в определенном приращении знаний в области современных полико-идеологических процессов, в разработке методологических принципов анализа процесса консолидации в современном российском обществе. Разработки автора призваны способствовать оптимизации идеологического процесса на государственном и на групповом уровнях. Результаты исследования могут быть использованы для чтения спецкурсов на социологических и политологических факультетах высших учебных заведений.

Апробация работы. Основные выводы и положения диссертационного исследования обсуждались на международных и всероссийских конференциях, круглых столах в США (Вайоминский университет, 1996), в Польше (Высшая школа гуманитарных наук в Пултуске, 2004), в Швеции (Гетеборгский университет), в Саратове (1996, 1997), в Санкт-Петербурге (СЗАГС, 1999, 2000, 2001), в Московском общественном научном фонде (1996, 2000), в Российском государственном гуманитарном университете (2001, 2002, 2003, 2004), в Уфе (2004 г.); Результаты исследования использовались в избирательном процессе в 3-х электоральных циклах, в т.ч.

аппаратом Государственной Думы РФ. Некоторые сюжеты диссертационного исследования были связаны с работой по грантам МОНФ и Колорадского университета (США).

Содержание диссертации нашло отражение в 20 публикациях, в т.ч. в 2-х монографиях, учебном пособии, учебно-методических комплексах. Диссертация в целом обсуждалась на заседании кафедры философии и политологии Саратовского государственного социально-экономического университета.

Структура работы. Цель и задачи диссертационной работы обусловили и внутреннюю логику ее построения. Диссертация состоит из введения, четырех глав, подразделяющихся на параграфы, заключения, 14 приложений, включающих в себя таблицы и схемы, списка литературы.

Основное содержание работы

Первая глава диссертационного исследования «Политическая консолидация и социальная интеграция общества как политологическая проблема» связана с рассмотрением теоретических и методологических аспектов изучения процесса политической консолидации российского общества. В первом параграфе раскрываются понятие и сущность политической консолидации и интеграции в их соотношении с социальной дифференциацией общества, обосновываются те методологические подходы, которые могут быть использованы при анализе данных явлений в современном российском обществе. В разделе показано, что в различных общественных науках эти категории несут различную смысловую и методологическую нагрузку в зависимости от того, из какой отрасли знания выросла та или иная современная общественная наука.

Если консолидация (в рамках научного коммунизма) мыслилась по принципу единения общества вокруг КПСС, то сейчас консолидация и интеграция часто рассматриваются как парные оппозиции категорий «дифференциация» и «дезинтеграция»; в ряде случаев консолидацию рассматривают в противопоставлении деградации, и в этом контексте (в теории систем) под консолидацией понимают упрочение, укрепление, сплочивание общества 21.

В западной политологии консолидация связывается с процессом демократизации обществ, где она рассматривается как определенный этап в процессе демократизации переходных обществ и как некая тенденция, состоящая в «усилении демократических институтов и демократической практики в каждой из стран, а также в укреплении межгосударственных связей в сообществе демократических наций». В рамках нашего исследования более продуктивен подход Ф.Шмиттера, который определяет суть процесса консолидации как выбор, ведущий к формированию свода

правил политической игры, в лучшем случае являющихся результатом договоренностей на основе взаимного согласия²².

В самом общем виде категории «политическая консолидация», «организация», «интеграция», «дифференциация» в своей совокупности составляют единое проблемное поле. «Интеграция» и «дифференциация» фиксируют изменения и тенденции; «организация» – тот или иной момент равновесия между ними. «Политическая консолидация» выступает частным вариантом интеграции, дифференциации и организации, который воплощается в осознанных, политически мотивированных и организованных действиях. Консолидация связана с унификацией мировоззренческих установок и норм политического поведения, это процесс трансформации эпизодических соглашений, половинчатых норм и случайных решений в отношении сотрудничества и конкуренции, усвоенные и добровольно принимаемые теми лицами и группами, которые участвуют в политическом процессе.

Опираясь на мысли Л.Троцкого о мобилизационном, милитарном политическом сообществе²³ и на идеи П.Сорокина о военно-социалистическом обществе²⁴, мы определяем современную российскую общественно-политическую систему как систему мобилизационного типа, обладающую специфическими чертами, которых нет в западных обществах. Это нужно учитывать при классификации и идентификации современного российского социально-политического порядка, поскольку западные политологические квалификации не всегда адекватны российским условиям, где проблема социально-мобилизационных состояний рассматривается как сравнительно одноразовые действия по активизации определенных усилий²⁵, либо через призму однопартийных систем, когда мобилизационный порядок характеризуется через функции авангардной партии²⁶, либо общества, где политики борются за быстрое достижение фундаментальных изменений в обществе и управление ими. Современная российская система является мобилизационной в силу следующих причин: из-за крайней истощенности материальных, финансовых и социальных ресурсов в руках государства; из-за крайне ограниченного доверия общества к власти; из-за отсутствия у власти сколько-нибудь целостного видения выхода из кризиса; из-за низкой ответственности (правовой и моральной) власти и элиты перед обществом;

²² Шмиттер Ф. Размышление о гражданском обществе и консолидации демократии // Полис. 1996. № 5.

²³ Троцкий Л. О нашей революции. СПб., 1993. С. 163.

²⁴ Сорокин П. Современное состояние России. Статьи разных лет. М., С. 463.

²⁵ Социологический энциклопедический словарь. На русском, английском, немецком, французском и чешском языках. Ред. - акад. Г.В.Осипов. М., 1998. С.185.

²⁶ Кола Д. Политическая социология. М., 2001. - С. 179-180.

из-за низкого профессионального потенциала управленческих кадров; из-за разнообразных факторов риска (техногенные катастрофы, терроризм, высокий уровень преступности и других социальных девиаций и т.д.), что ведет к властным методам политической консолидации.

Во втором параграфе «Особенности политической консолидации в обществе переходного (мобилизационного) типа» переходный период рассматривается как определенное состояние социально-политических отношений, отличающихся большой подвижностью и эластичностью политических институтов, воспроизводством непрочности консолидации.

В зависимости от доминирующих функций системы, предлагается два основания для классификации переходных состояний - системно-целевое и системообразующее. Если цель четко сформулирована, под нее подведены определенные социально-экономические ресурсы, субъекты системы организованы и ориентированы на достижение цели, то такая переходная система может именоваться инновационной как стабильно устойчивая с устоявшимся целеполаганием. Если же цель является средней величиной, стихийно складывающейся из взаимодействующих между собой тенденций, то такая система может считаться консервативно-аутсайдерской, развитие становится неустойчивым, а стабильность либо временной, либо локальной.

1. Социальная структура нового типа в основном сформировалась на основе процессов распада прежней социально-экономической и политической системы и в своих социально-общностных качествах воспроизвела доминирование нисходящей мобильности над восходящей. Наиболее принципиальные изменения в социальной структуре - маргинализация, охватившая большинство страт постсоветского общества; дифференциация социальной структуры на наиболее и наименее обеспеченных, наметилась тенденция вымывания так называемого среднего класса в лице мелких и средних предпринимателей.

2. Среди факторов структурирования нового социального и политического пространства стал занимать основное место этнический, региональный фактор, что зачастую делит население на две неравномерные группы: русское население и группу малых этносов. Последние, в отличие от русских, более мобильны в создании организационно-государственных партийно-политических механизмов своей идентификации.

3. Наиболее динамично развивающейся группой в федеральном центре и в регионах оказалась административная элита, которая сложилась ранее бизнес-слоя. Политические процессы дифференциации шли впереди процессов экономической дифференциации. Политика стала доминирующим фактором в регулировании общественных отношений, в том числе в распределении собственности, в регулировании заработной платы, доходов.

4. Существенно влияет на менталитет субъектов социальной структуры, отсутствие системообразующего основания экономической консолидации; ментальная дифференциация строилась и строится не по линии осознания и

реализации своих интересов, а по отношению к экономической и социальной политике государства.

Новый политический порядок отличается отсутствием адекватных и гибких механизмов самоидентификации индивидов. Ни одна из общественных групп, более или менее многочисленных, не идентифицирует себя с общественной системой: ни богатые, ни бедные, ни тем более зарождающиеся средние слои. Все ощущают социальный дискомфорт и ограниченность экономических и политических возможностей. Идентификационные символы размыты, экономически немотивированны, социально анонимны. В этих условиях идентификационные параметры экономического характера уходят на второй план, а их замещают идентификационные символы в основном социокультурного, этнического или этноконфессионального плана.

В третьем разделе «Идейно-идентификационные параметры мобилизационного общества» показываются сущность процесса идентификации, ее механизмы, символы, которые в своей совокупности дают представление о российском обществе.

Обосновано несколько типов мобилизационных систем. Обычная мобилизационная система характерна для общества с малоэффективными социальными институтами и маргинальной социальной структурой общества, в основе которой лежат клановые отношения. Целевая мобилизационная система основана на социальном консенсусе, на взаимном согласии основных политических группировок и сознательном ограничении своих потребностей для мобилизации ресурсов и достижении общественно значимых целей в переходный период. Еще один тип: мобилизационная система, где переход сам по себе выступает целью, т.е. не определено, к какому итогу должно идти общество и каких показателей должно достигнуть.

Наша общественная система мыслилась как переходно-целевая, однако идея модернизации сама по себе не могла консолидировать общество, т.к процесс модернизации сопровождался не только постоянным ухудшением социально-экономической ситуации в стране и снижением уровня жизни, но и потерей интегрирующий ценностных ориентиров. При этом самоидентификация в условиях кризиса идентичности для многих идет по виртуальным воображаемым величинам²⁷.

Идейно-ментальная идентификация представляет собой определенную систему и включает в себя ряд показателей: а) содержание ментальной идентификации; б) ее формы и уровни; в) символы идентификации; г) механизмы идентификации; д) принципы; е) социально-политические последствия идентификации.

²⁷ См.: Способы адаптации населения к новой социально-экономической ситуации в России Вып. X. М., 1999. С. 63.

В силу слабой осознанности групповых интересов и неустойчивой идентификации с большими социальными группами, наблюдаемой в России, формы ментальной идентификации весьма ограничены: от девиации и делинквентности к массовой покорности и энтузиазму; от прямой агрессии до неограниченной лояльности.

В современном российском обществе наблюдается преимущественно негативный тип самоидентификации, когда символы строятся от противоположного, противоположного тому, что было ранее (до начала модернизации). Негативная идентификация находит выражение в ценностном расколе, столь характерном для российского общества. В социологических опросах разных исследовательских центров прослеживается размежевание между сторонниками рыночных реформ и приверженцами традиционных государственно-патерналистских начал в экономике и социальной жизни.

Социально-политические механизмы, являясь формой регулирования и саморегулирования, складываются на стыке взаимодействия четырех разноплановых явлений: социальной структуры общества, его политико-институциональной, идеологической структуры и ментальной структуры.

В зависимости от характера субординации социальной структуры, политических институтов, ментальности и идеологии формируются и типы политических идентификационных механизмов.

Первый тип - смешанный, в котором невозможно установить четкую субординацию его элементов. Новая система идентификации сопровождается здесь массовой маргинализацией, т.е. не появлением каких-то новых принципиальных моментов, а угасанием прежних темпов социального процесса. Сохранению и воспроизводству смешанного типа механизма идентификации способствует и кризис системы идентификации в целом.

Второй тип - это строго иерархизированный механизм идентификации соответствует социальной структуре рыночного или информационного типа и системе правового государства.

Третий тип - пограничный, в котором одни элементы имеют жесткую конструкцию и организацию, другие более или менее маргинальны. Обычно это режимы с маргинальной социальной структурой и жестко контролируемой идеологией и политической системой. Пограничный тип идентификации совмещает в себе и смешанный, и строго иерархизированный типы идентификации. Доминирование того или иного типа определяется как экономическими причинами, так и идеологическими факторами. В современной России доминирующим является смешанный тип идентификации, где остаются нестабильными политические, социально-стратификационные, гражданские идентификации, а смена идентичностей относительно крупных социальных групп становится нормой существования в социуме.

Во второй главе «Традиционные слои как субъекты политико-идеологической 1 идентификации и политической консолидации»

рассмотрены поведение и роли традиционных слоев в процессах политической консолидации общества.

На протяжении многих десятилетий изучение социально-классовой структуры общества осуществлялось в рамках парадигмы «два класса - один слой», где в основу был положен миф о ведущей роли рабочего класса, крестьянство рассматривалось как класс руководимый и догоняющий, а интеллигенция - как группа сочувствующих специалистов-технологов. Выдвижение на авансцену новых слоев, неустойчивость социальной структуры, отсутствие идеологического давления и общепринятых критериев стратификации предопределили многообразие моделей анализа современной социальной структуры российского общества.

В первом параграфе «Социальные приоритеты и политико-идентификационные символы индустриального рабочего класса» мы выявляем, что в ходе трансформаций рабочий класс, сбитый с толку идеологическими упражнениями партийной номенклатуры, в новых условиях оказался не готовым как к восприятию новых технологий, так и к идеологической рефлексии вообще. В пределах коммунистической ортодоксии миф о ведущей роли рабочего класса и о совершенствовании социализма на своей собственной основе не удалось ни модифицировать, ни заменить²⁸.

Для рабочего класса - главный идентификационный механизм - профсоюзные организации, которые как механизмы политической идентификации и консолидации рабочего класса, пока не работают. Российские профсоюзы построены не по профессиональному, а по отраслевому принципу. Любая отрасль производства по своему социальному составу дифференцирована на управляющий состав, на руководство среднего звена, на «синие воротнички», младший обслуживающий персонал. Такая схема организации отрасли (номенклатурно-сегментированная) весьма удобна для власти и для блокирования массовых профессиональных действий. Руководящий профсоюзный блок органически интегрирован в региональную и федеральную административную номенклатуру, и в партийную систему. Формально механизмов рабочей солидарности и консолидации вроде бы в избытке, но реальных результатов нет. Профсоюзы подчинены исполнительной власти, которая формирует и контролирует кадры профсоюзных лидеров, проводит политику заработной платы, формирует бюджет с учетом развития отраслей, контролирует финансовую и социальную политику и т.п. При массовой остановке производства забастовочное движение не имеет должного социального эффекта. Оно то активизируется, то переживает спад. Так в 1992 г. забастовки проходили на

²⁸ В забвении рабочего класса большую роль сыграла и новая идеология, точнее та совокупность идей, которая свойственна антикоммунизму. Российская демократия пришла к власти под флагом антикоммунизма, различных антипротетарских фобий.

6273 предприятиях, в 1994 г. - на 514, в 1996 г. - на 8278, в 1997 г. - на 17007 предприятиях, в 2002 г. - на 80, в 2003 г. - на 69 предприятиях²⁹.

Состоялось очередное огосударствление профсоюзов, функции «приводных ремней» сохранились с той лишь разницей, что они идут не от партии к массам, а от госаппарата к населению. Реальные функции профсоюзов: быть альтернативой левым движениям; стимулировать соглашательские тенденции в рабочем классе; способствовать сращиванию трех социальных групп: административной элиты, профсоюзной бюрократии, рабочей аристократии; блокировать попытки создания независимых от государства профсоюзов; поддерживать иллюзию рабочей солидарности.

Ситуация осложняется тем, что средний класс предпринимателей стал формироваться, в основном за счет крупных предпринимателей, между тем именно он является в гражданском обществе связующим звеном между рабочим классом и государством. Рабочие должны были стать работающими собственниками, но они стали в основной массе пауперами, т.е. интеграции в общественную систему рабочего класса через владение им собственностью не произошло.

В маргинальном государстве область взаимных интересов охватывает государство и маргиналов. Государство опирается на маргиналов против крупных собственников, а те, в свою очередь, против государства. Маргиналы и государство заинтересованы друг в друге. Маргинальная модель взаимосвязи массовых слоев населения и государства строится на отчуждении³⁰.

И хотя система трудовых отношений в правовом отношении более или менее прописана (предусмотрен механизм защиты наемных работников, начиная от судов и заканчивая забастовками), правовой регламент идет впереди реальной ситуации. Единственной инициативой снизу остается забастовка, причем в отличие от стран Запада, в РФ забастовки проводятся не в целях повышения зарплаты, а в целях ее выплаты.

Схема социального партнерства, действующая ныне в России, не отражает потребностей рабочего класса и не может работать эффективно силу и своего структурно-организационного несовершенства. И работодатели, и государство в лице исполнительных органов власти часто не соблюдают взятые на себя обязательства, многие соглашения не выполняются³¹, что усиливает социальную напряженность и ту степень недоверия, которая присутствует во взаимоотношениях основных субъектов социального партнерства.

²⁹ См.: Россия в цифрах. Официальное издание. М., 1998. С. 54; Официальный сайт Госкомстата.

³⁰ Touraine A. La societe post-industrielle. P., 1969. P. 12.

³¹ См.: Михеев В.А. Основы социального партнерства: теория и политика. М.: Экзамен, 2001. - С.37. С.124.

Рабочий класс из главной производительной силы общества превратился в пауперов, поставленных на грань выживания, зависящих от государства или работодателя. Все это не может не провоцировать реваншистских настроений, и в определенном смысле консолидировать протестные действия. Среди рабочих более определенно выражена партийная идентификация с партиями коммунистического и леворадикального толка.

Автор делает вывод о том, что в России в настоящее время начинает складываться система социального партнерства и консенсуса, которую можно определить как систему взаимной компенсации на основе стратификационной модели общественного договора. Сущность компенсации - своеобразная замена недостающих звеньев хозяйственного механизма, на создание которого ориентировано общество, либо мобилизационными технологиями, связанными с ограничением потребностей общества, либо политическими мерами, связанными с ужесточением социальной, бюджетной, налоговой политики, либо с политическим изъятием и ограничением прав некоторых субъектов экономического и политического процесса.

Второй параграф «Традиционная крестьянская культура как носитель идентификационных символов современного сельского населения» включает анализ особенностей социокультурной идентификации крестьянского социума и адаптационных стратегий современного сельского населения, 75,6% которого живет за чертой бедности³². Анализируя социальные характеристики крестьянства, можно сказать, что в СССР и России до конца 90-х годов колхозники и рабочие совхозов имели все признаки крестьянства, поскольку, будучи наемными работниками (как и другая довольно большая группа, не являющаяся крестьянами: учителя, культпросветработники, медицинские работники, администрация сельскохозяйственных предприятий), они не могли обеспечить свое выживание, не занимаясь личным подсобным хозяйством. Именно такая социальная структура села вступила в полосу социально-политических изменений. Несмотря на реорганизацию колхозов в акционерные общества, товарищества и кооперативы, наделение крестьян земельными участками и всемерное поощрение «фермеризации», большая часть работоспособного сельского населения по-прежнему и по своему социальному качеству, и по фактическому положению остаются наемными работниками.

Мы рассматриваем процессы реформирования сельского хозяйства в контексте функционирования и трансформации традиционной крестьянской культуры по ряду причин:

Во-первых, именно традиционная культура крестьянства оказала доминирующее влияние на ментальность русского этноса в целом. Именно

³² Карелова Г.Н. У бедности деревенское лицо // Российская газета. 28 октября 2003 г. С.4.

крестьянство представляет собой тот народный тип, который сильнее всего окрашивает тип национальный³³ и позволяет некоторым исследователям характеризовать русский национальный характер как «нерыночный» 34.

Во-вторых, несмотря на развитие урбанистических процессов в нашем обществе, влияние традиционной культуры на поведение большинства наших сограждан очень велико, в т.ч. и в силу размытости границ между городом и деревней. В современной России каждый третий город имеет скорее сельский характер, сохраняя на индивидуальном уровне связи с сельской местностью, формируя свои агросообщества с приусадебным участком, скотом и т.д., что особенно важно в обществе риска, где стратегии выживания становятся определяющими для большинства населения.

В-третьих, традиционная крестьянская культура в значительной мере определяет инерционный потенциал сельского сообщества по сравнению с другими социальными группами, что также актуализирует ее изучение в рамках трансформирующегося социума. История неоднократно демонстрировала нам, что новые ценности и социальные отношения в условиях экономического и социокультурного кризиса могут быть отвергнуты обществом ради возврата к старым традиционным ценностям, уравнительным, натурально-хозяйственным отношениям.

Обращаясь, при анализе ментальных особенностей крестьянства, к широкому кругу философской, исторической и этнографической литературы³³, мы можем сказать, что национально-культурная традиция общины определялась отсутствием частной собственности на землю, неразвитостью трудовой этики, преобладанием коллективности, соборности над любыми проявлениями индивидуализма. «Раскрестьянивание» и усреднение крестьянского сообщества в годы советских реформации, способствовало усилению, разрастанию регрессивных черт соседско-общинной морали, что проявляется в конформизме, тенденции к ситуативному поведению, уклонении от работы, социальной агрессивности, отягощенности догмами и идеологическими штампами. Отчуждение

³³ Федотов Г.П. Судьба нашей духовной культуры // Диалог. 1991. № 18. С.39.

³⁴ Шаповалов В. О категориях культурно-исторического процесса в России // Свободная мысль . 1993. № 6; Смирнов П.И. Движение России к рыночной цивилизации и русский национальный характер // Вестник Ленинградского университета. 1991. Сер.6. вып.3.; Майминас Е.З. Этика труда и отечественная культура Материалы круглого стола // Вопросы философии. 1992. № 1.

³⁵Гакстагаузен А.Н. Исследования внутренних отношений народной жизни и в особенности сельских учреждений России. - М., 1870.; Соловьев В.С. Национальный вопрос в России/ Соч. в 2-х тт., Вып.1.Т.1. - М., 1989. ; Федотов Г.П. Судьба нашей духовной культуры // Диалог. 1991. - № 18.; Гамза А., Шанин Т. Карл Каутский и «аграрный вопрос»: Крестьяне и капитализм // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Ежегодник, М., 1997. Крестьянская община европейской России. 1907-1914. М.:Наука, 1992.

тружеников от земли привело к утере хозяйской мотивации и самооценности труда; по нашим исследованиям число желающих взять землю в частную собственность не превышает 48%. Наделение колхозников земельными паями не смогло стимулировать пробуждения чувства собственника, т.к. использовать эту землю не всегда возможно. Собственность, богатство не входят с системы жизненных приоритетов сельских жителей, образ кулака-мироода имеет трансторический характер. Крестьяне, сумевшие создать и нашедшие источник поддержки крепкого семейного хозяйства, неохотно идут на наемную работу, тем более к фермеру.

Инерционность крестьянства отчетливо прослеживается и в политической сфере. При известной аполитичности и деидеологизированности, крестьянство устойчиво в своих симпатиях, и именно сельское и периферийное население сформировало в прошлых электоральных циклах «красный пояс», сохраняя гражданскую идентификацию с Советским Союзом.

В политико-идеологическом и мировоззренческом плане сельские жители представляют собой достаточно однородную группу, несмотря на выявившееся в последнее время социальное и имущественное расслоение. При этом государственная власть также, как и 100 лет назад, воспринимается в деревне как природный катаклизм, грозный, но редкий, к которому можно приспособиться. Зависимость же от местных властей (в вопросах газификации, электрификации, дорожного строительства, получения работы) при уже отмеченной аполитичности ведет к ориентации на местную власть или ту партию, которую местная власть поддерживает. Самоуправленческие начала в деревне также находятся в состоянии стагнации, в ряде субъектов федерации были вообще ликвидированы сельсоветы как органы МСУ, которые, кстати, регулировали и внехозяйственные отношения¹; легитимация местного самоуправления продолжает наталкиваться на скрытое сопротивление государственных структур, или более крупных территориально муниципальных образований, не желающих делиться полномочиями и собственностью с местными сообществами. Все это углубляет отчуждения жителей от процесса управления и минимизирует стремление к самоуправлению³⁶.

Процесс адаптации села к рынку пошел по пути консервации и воспроизводства тех отношений, которые сложились в начале переходного период — до середины 1990-х годов. Подавляющее большинство сельского населения вынуждено выбрало установку на "выживание", а не на развитие, в силу отсутствия позитивной перспективы для жизни на селе и занятости молодежи в сельском хозяйстве. Большинство сельских жителей (около 80%)

³⁶ в этом смысле новый закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» так же не внушает оптимизма, поскольку предполагает дальнейшую унификацию системы МСУ и ее огосударствление.

не хотят, чтобы дети унаследовали их социальный статус и вообще занимались сельским хозяйством.

Главным образом стратегия выживания находит своей выражение в деятельности в рамках ЛПХ. Эту стратегию приняли не только те, кто был занят в аграрном секторе, но и те, кого традиционно называли сельской интеллигенцией. В целом пусть медленно, но смена социально-экономического уклада российской деревни идет. Понятие «колхозное крестьянство» уходит в историю, меняется и этос бытия: получают более широкое распространение представления людей о праве на автономность, прежде всего экономическую. Отношения в социуме по типу общности хотя и подорваны, но не исчезли, рыночный порядок в жизни села не является могильщиком сельского сообщества по типу общины. Наоборот, возникают новые формы солидарности в сельском социуме, предполагающие соединение добрососедских отношений с благотворительностью, совместные акции по благоустройству быта и т.п.

Постоянная жизнь в трудной ситуации выработала жизнестойкость российских крестьян, которая имеет трансгисторический характер. Консерватизм крестьянства нельзя рассматривать как тормоз, помеху на пути возможных социальных и политических реформ. Он выступает и как средство стабильности, удержания общества от разрушения, как гарант устойчивости и самосохранения сообщества.

В третьем параграфе второй главы «Российская интеллигенция как субъект политико-идеологического процесса: особенности ее ментальности и идентификации» акцентируется внимание на то, что интеллигенция традиционно была профессионально связана с политико-идеологическим процессом в тех или иных формах. Не случайно в политологической литературе все перипетии и закономерности общественного процесса в российском обществе связываются с теоретико-мировоззренческими поисками интеллигенции.

Заметим, что до сих пор нет однозначного определения интеллигенции в отечественной литературе. Если социологи используют верифицируемые критерии при выделении интеллигенции (образование, характер труда, стиль жизни), то политологи и философы скорее склонны оперировать критериями этического и идеологического порядка, что порождает известную путаницу в интеллигентском дискурсивном пространстве. Наиболее продуктивной и полной нам видится типология критериев для выделения интеллигенции, предложенная Я. Щепаньским³⁷; мы основываемся на формально-юридическом критерии и критерии на основе выделения социологических черт, понимая под интеллигенцией тот слой, который выполняет умственную работу, объединен деятельностью в определенных учреждениях и разделен

³⁷ Szczepanxki J. Odmiany czasu terazniejszego. Warszawa, 1971. - С. 93-94.

характерными границами, связанными с образом жизни и образом мысли, от других социальных групп.

Сегодня самоидентификация интеллигенции представляет собой яркий пример самоидентификации по виртуальным параметрам, т.к. в реальной социальной структуре ее место еще менее определено, чем раньше. Экономическая ситуация такова, что доход не является значимым стратифицирующим фактором. С точки зрения реального уровня жизни население нашей страны выглядит более или менее гомогенно. Что касается тех подгрупп, которые входят в монострату интеллигенция, то межгрупповые различия по содержательным показателям не выявляют заметных расхождений. В этом плане интеллигенция, как и другие социальные группы в обществе, демонстрирует размежевания по мировоззренческим смысловым основаниям. Не случайно проходят в одни временные сроки конгрессы интеллигенции, где одни стоят на стороне власти, другие - на стороне коммунистической оппозиции.

Но в целом в духовной сфере огромный интеллектуальный, нравственный капитал интеллигенции перестал быть востребованным. Потерю престижа, выражающуюся в своей невостребованности, незанятости, невозможности отдалиться любимым занятиям ощущает большинство их³⁸. Резко сократились гуманитарные контакты и технические средства воздействия интеллигенции на общество.

Необходимо отметить как свершившийся факт самоликвидацию «интеллектуализма» советского общества. Страна вошла в эпоху общества потребления, и процесс этот закономерен, тем более что начался не сегодня. Не случайно и в общественном мнении, и научном сообществе «непрагматичное» мышление квалифицируется как «болтовня», отвлекающая ресурсы от более насущных проблем.

Интеллигенция в силу целого ряда исторических причин была маргинальна на стыке двух органических основ русского общества: государства и населения. Временами она пыталась идентифицировать себя с властью, временами интеллигенция дружно шла в народ, идентифицировалась с ним. В некоторых случаях интеллигенция замыкалась в себе, осмысливая опыт «хождения» то в народ, то во власть. В настоящее время интеллигенции, с точки зрения ее традиционной политической активности, нет ни в народе, ни во власти.

При этом интеллигенция во многом остается рабом своих мифов (и об оппозиционности интеллигенции, о ее особом предназначении и мессианском характере), продолжает считать себя носителем особой социальной функции и продолжает претендовать на особое место в политической системе и участии во власти. Однако романтизм и идеализм

³⁸ Мирская Е.З. Профессиональное самочувствие российских академических ученых // Вестник РГНФ, 2003, № 1, с.211.

интеллигенции, ее преданность своей идее в политике часто оборачиваются прожектерством и доктринерством, идеологической нетерпимостью к инакомыслию и стремлением реализовать свою идейную программу.

В то же время мы не разделяем идею об исчезновении интеллигенции, а говорим о ее деформации как общественной группы. Она может трансформироваться, маргинализаться в силу своей невостребованности, составить основу новых классов - политической элиты, бюрократии, но, прежде всего новых бедных. Ее социальная анонимность обусловлена во многом тем, что основным социальным богатством стали деньги, а не образование и знание. Интеллигенты как носители идеи мессианства уходят, но интеллектуалы остаются, и их опыт, знания в больших или меньших масштабах будут востребованы властью, и обществом.

В последнем параграфе «Российская элита в системе политико-идеологических координат» в качестве самостоятельной проблемы исследуется влияние на общество в идейно-политическом, культурно-ценностном и ментальном аспектах наиболее «социально продвинутых», экономически и политически лидирующих общностей.

Анализ показывает, что массовые слои российского общества тяготеют и эволюционируют в сторону коммуитарной, а элита - к либеральной ментальности. Что сопровождается формальной институционализацией демократических норм и практик, а в реальности оборачивается квази-демократией и квази-рынком, которые отторгаются общественным сознанием.

Политическая и административная элиты в настоящее время представляют собой достаточно интегрированную общность, которая непосредственно связана с политическим и идеологическим процессом. В отличие от большинства демократических стран, в российском идеологическом процессе особенно активно себя заявляет административная элита. С одной стороны, здесь преследуется общезначимая цель - внедрение в общественное сознание консенсусных, в отличие от радикальных, мировоззренческих стереотипов, «стягивание» общества идеологическими средствами. Другая цель - групповая - состоит в том, чтобы обеспечить свое господство и претензии на него идеологическими средствами. Таким образом, идеологический процесс, возглавляемый и курируемый элитой, решает одновременно три задачи: идеологическое обеспечение социального консенсуса, идеологическое обеспечения функционирования элиты и ее ведущей роли.

До недавнего времени элита была слабо интегрирована в партийную систему. Сейчас же осуществляется попытка соединить, отождествить элиту и партию. Социальная и политическая организация элиты мыслится через организацию «Единой России», в лице которой конструируется партия-государство, с которым современная российская элита пытается идентифицироваться. Все признаки партии-государства таковы:

тождественность политической организации элиты ее партийной принадлежности, совпадение социальных объектов того и другого;

отсутствие партийной доктрины и ее прямая замена претензией на власть;

сохранение политического и социального статуса нынешнего состава элиты, что характерно только для тоталитарного государства;

внутрипартийная иерархизация по государственно-бюрократическому принципу;

практическое слияние «Единой России» с администрацией Президента РФ;

копирование в партийном строительстве государственной структуры;

признание партийным лидером Президента РФ;

придание партийной дисциплине характера государственной дисциплины;

совмещение партийной работы и государственной деятельности.

Что касается ментальных особенностей региональных административно-политических элит, следует отметить их федералистское мышление. Федерализм в политическом сознании представляет собой один из векторов преобразований советской политической культуры в последние 10 лет: в национальных республиках он принимает национальные формы, в русскоязычных регионах Юга России базируется на казачьем факторе, в других российских регионах основой выступают экономические и социальные условия.

Административно-политическая элита с большой степенью эффективности использует властный ресурс контроля и влияния за другими элитными (бизнес-элита, военно-силовые структуры) и субэлитными группами (интеллектуалы, духовенство, информационная и культурная субэлиты). Процесс слияния политической и бизнес-элиты сделал доминирующей схемой рекрутации элитного слоя взаимозамещение представителей бизнес-элит и политико-административных элит. Бизнес-элита зависела и продолжает зависеть от государства, во многом ее успех был связан с теми привилегиями, которые она имела от власти. Чрезмерное ее влияние на политику вызвало ряд охранительных шагов власти. Если с 1995 по 1998 роль олигархов в политике неуклонно возрастала, то с 1998 г. начался обратный процесс, что обществу ничего нового не приносит, т.к. в руководстве политическими и экономическими процессами политическая элита действует административно-властными методами, направленными не на приращение новых возможностей, а на перераспределение имеющихся ресурсов. Граждане страны по-прежнему отчуждены от процессов принятия политических решений.

Сама элита в идейно-мировоззренческом отношении консолидирована весьма неэффективно. Здесь эксплуатируются либо традиционные идеи, либо набор лозунгов и трафаретов о необходимости единства, процветания,

прогресса, с чем никто не спорит в силу их общеприменимого характера. Разногласия внутри партийных элит связаны не столько с идеологическими разногласиями, а с неудовлетворенностью определенных претензий на власть и лидерство. Все это не способствует росту доверия власти со стороны общества, ведет к расколу между элитными и внеэлитными группами и затрудняет консолидацию власти и общества.

Третья глава диссертации «Новые социальные слои как субъекты политико-идеологического консенсуса и формирования рыночной ментальности» посвящена анализу роли новых социальных слоев в процессе консолидации общества.

Проблема среднего класса, которая рассматривается в первом параграфе, актуализировалась в последнее время потому, что обществу нужна социальная и политическая точка отсчета, от которой можно было оценивать новые изменения в социальной структуре и политической системе. Большинство современных политологов и социологов склонны оценивать средние слои как опору стабильности и демократии, и всю слабость демократических устоев связывают либо с отсутствием, либо со слабостью их³⁹.

Вместе с тем следует учитывать, что средние слои при определенных условиях создают и неустойчивую экономическую и политическую ситуацию. Средние слои являются той социальной средой, в которой интенсивно происходит социальная дифференциация на богатых и бедных.

Среди ученых нет единства в определении среднего класса⁴⁰. При использовании различных критериев численность среднего класса в России колеблется от 35% до 70%⁴¹. Так, Ю. Левада около двух третей опрошенного им населения относит к некой «сердине», которая себя таковой осознает⁴², тяготеет к некой условной срединности, демонстрируя известное желание не выделяться, быть как все. Однако это далеко не средний класс с его существенными атрибутами. В этом смысле нам представляется более правильным говорить о средних, промежуточных слоях.

Слабость средних слоев, как возможной основы среднего класса, заключается в следующем:

возникновение их на базе разукрупнения крупных распределительных механизмов, также контролируемых государством, что обусловило мелкооптовую частную торговлю хаотического порядка;

³⁹ См: Средние слои в социальной структуре общества М., 1996. С. 216.

⁴⁰ Радаев В.В. Социальная стратификация или как подходить к проблемам социального расслоения // Российский экономический журнал. 1994. № 11. - С.87-88.

⁴¹ Воейков М.И. Средний класс: Походы к исследованию // Политая. 2000. № 1. - С.92.

⁴² Левада Ю.А. От мнений к пониманию. Социологические очерки, 1993-. М.: Московская школа политических исследований, 2000. - С. 303.

низкий удельный вес среднего слоя в производстве, что ограничивает его социальные контакты с рабочим классом, с менеджерами, технологиями и культурой крупных производств;

верхушечный характер насаждения и продвижения мелкого и среднего бизнеса без достаточного его правового обеспечения;

вынужденный характер занятия О мелким бизнесом из-за соображений прожить, а не продвигнуться в средний или крупный бизнес.

отсутствие связи и каналов рекрутации между крупным, средним и мелким бизнесом, что оттесняет последние на обочину экономической жизни.

Среднее положение чревато эклектикой мировоззрения, противоречивостью социального статуса, склонностями к самым неожиданным компромиссам. Сама политологическая квалификация ее поверхностна, зависит от того, как покажут и проявят себя правые и левые. Поскольку нынешние левые и правые к власти весьма лояльны, середина эфемерна. Д. Ольшанский не случайно подчеркивает, «именно «средние слои» в критических, острых ситуациях в особенности, являются наименее стабильной и устойчивой, в наибольшей степени «размываемой» социальной средой»⁴³.

Политический центр и средние слои - явления совершенно различного порядка. Так называемые центристские партии появились у нас из-за стремления правительства и администрации президента играть по всему политическому полю, ограничив тем самым политическое пространство для леворадикальных партий. Политический центр в большей степени поддерживает партийная и государственная номенклатура провинции, умело манипулирующая общественным мнением.

Социальный центр - это та социальная группа собственников и субъектов власти, которая воспроизводит одновременно социальную ценность собственности и власти, а также их раздельное существование. Он несет основные налоговые тяготы и нуждается в защите как от политических и экономических магнатов, так и от маргиналов.

В функциях среднего класса как социального центра важен и другой момент. Это сохранение института частной собственности, ментальности собственника. П. Струве, например, считал главной бедой России то, что в ней был раздавлен дух собственника. «Институт собственности» был беззащитен с двух сторон: от него духовно отреклась интеллигенция, и к нему не пришли народные массы.

Будущему мощному среднему классу нужна прочная социальная база, основанная на собственности, но пока собственность мелких и средних предпринимателей находится в шатком положении. По сведениям официальной статистики, рост предприятий в сфере малого и среднего

43 Ольшанский Д.В. Массовые настроения в политике. М., 1995. С. 172.

44 Струве П.Б. Россия//Русская философия собственности. СПб, 1993. С. 262.

бизнеса осуществляется очень медленными темпами: количество организаций, занятых в сфере малого бизнеса, на начало 1996 года составило 877,3 тыс.⁴⁵, а в 2000 г.- 890,6 тыс.⁴⁶, т.е. за пять лет не произошло существенного увеличения их численности. Типичная фигура среднего класса - торговец-посредник, «челночник», предприниматель в сфере обслуживания⁴⁷.

В условиях, когда все ресурсы уже приватизированы, источником богатства может стать знание, информация и новые технологии 48. Диссертант считает, что реальные перемены в мобилизационном режиме могут наступить при создании определенных экспериментальных зон, модифицирующих информационные технологии и пытающихся осуществить в этом направлении прорыв. Слагаемыми успеха для вновь формирующегося среднего класса станут собственность - знание - инициатива.

Во втором параграфе третьей главы ««Новые бедные» в структуре идейно-политической дифференциации» рассматривается процесс пауперизации и люмпенизации населения как итог непродуманной политики властей, и как следствие, негативное отношение к курсу проводимых реформ со стороны беднейших слоев населения.

«Новыми бедными» мы называем маргинальную часть населения в экономически активном возрасте потому, что труд у нас перестал быть мерилем социальной дифференциации общества. Трансформация ввела в действие совершенно иные механизмы социального отбора. Усилился фактор случайности. Бедность уже не во всем зависит от личного участия или неучастия в трудовом процессе. Под бедностью обычно понимается «характеристика экономического положения индивида или группы, при котором они не могут сами оплатить стоимость необходимых благ» 49. Большинство трудящихся (рабочих, наемных работников, наряду с бюджетниками, работниками других сфер народного хозяйства вне зависимости от образования) в альтернативу богатым «новым русским» можно назвать «новыми бедными», депривированными не только в

⁴⁵ См.: Малый бизнес в России. Информационно-аналитический справочник. Серия «Бизнес Тезаурус» (аналитические справочники для российского бизнеса). М, КОНЭСКО, 1998 г.;

⁴⁶ См.: Поповская Е. В. Опыт проведения обследования малых предприятий в Госкомстате России // Вопросы статистики, 2000. №.

⁴⁷ В общем количестве предприятий и организаций малого и среднего бизнеса наибольший удельный вес составляют предприятия торговли и общественного питания - свыше 48 %, промышленности - 8,6 %, строительства - 8,5 %, науки и научного обслуживания - 6,2 %.

⁴⁸ Тоффлер Э. Метаморфозы власти. Знание, богатство и сила на пороге XX века. М., 2002. С. 287.

⁴⁹ Социологический энциклопедический словарь. С. 28.

материальном плане, но и во многих других отношениях, в том числе униженных морально.

Бедные - это социальная категория неадаптированных, но имеющих свои культурно-ценностные и политико-идеологические установки, способные в той или иной мере раскачивать общество. Чем беднее живет народ, тем больше влияние уравнилельно-коммунистических идей, тем вероятнее новый передел собственности и политического влияния. Бедные слои при любых условиях будут источником политической нестабильности и социального радикализма.

По аналогии с теоремами П. Сорокина о соотношении голода и идеологии⁵ нами сформулированы теоремы о соотношении социальных ожиданий, надежд на будущее и идеологии: 1. Если идеологическая концепция не затрагивает повседневных нужд человека, не дает объяснения наиболее оптимальных путей повышения жизненного статуса и уровня жизни, то она не является органической частью менталитета, а рассматривается в основном как внешнеполитический идеологический фон. 2. Отсутствие зримых перспектив на будущее актуализирует те идеологии, которые обещают хоть небольшие изменения, но сейчас или в ближайшем будущем и отодвигают на второй план масштабные идеологии, идеологии партийной организации, претендующих на глобальное видение внутриполитических и внешнеполитических проблем. 3. Наибольший успех имеют те идеологии, которые отводят приоритет трудовым отношениям в трансформации общества, личному вкладу и успеху. В меньшей степени имеют влияние идеологии государственного патернализма и всеобщего перераспределения.

Существуют определенные пороговые состояния бедности, выше которых бедность революционизирует, повышает активность и социальную солидарность. Ниже них бедность обуславливает угнетенное психологическое состояние, социальную апатию, отсутствие интереса к политическим событиям, что мы сегодня и наблюдаем. В любом случае, примитивная дифференциация населения, становление двух сегментов при значительном численном перевесе низшего бедного слоя препятствует формированию групповых интересов и консолидации их в различные политические институты и общности.

Третий параграф «Новые русские» как политический феномен: особенности идентификации и ментальности» связывает особенности становления слоя «новых русских» с их ментальными характеристиками.

Причины и проявления процесса обретения собственности «новыми русскими», связь их с государством и партийно-государственной элитой достаточно освещена в современной литературе, посвященной бизнес-

⁵⁰ Сорокин П. Голод и идеология общества. Указ. соч. С. 367-394.

элитам⁵¹. Отметим лишь, что по своим социальным характеристикам «новые русские» ближе всего находятся к «new class» М.Джиласа⁵², т.е. классу бюрократии и партийной номенклатуры. «Новые русские» стали наследниками старой номенклатуры и успешно осуществили реконверсию бюрократического капитала в экономический капитал.

Конструирование социальной базы демократического общества и рыночной экономики включает в себя и конструирование представлений о классе собственников как о легитимном классе. Несмотря на то, что средства массовой информации, лидеры общественного мнения, на заре перестройки были ориентированы на формирование позитивного образа частной собственности и собственников, в общественном сознании он быстро наполнился негативным содержанием. Представления о «новых русских» являются в основном следствием институционального и социокультурного шока, который до конца не осмыслен обществом и который был вызван глобальными трансформационными изменениями. Институциональный шок – следствие инсталляции формальных институтов, адаптация к которым требует полного изменения ценностных оснований социальной деятельности, а социокультурный – вбрасыванием ценностей, радикально отличных от тех, на которые общество ориентировалось прежде³³.

Социальная дифференциация на новых основаниях совершилась в очень короткие сроки и является достаточно глубокой, поскольку разделила общество на «новых бедных», средний класс и очень богатых людей, которых назвали «новыми русскими». Сегодня Россия занимает одно из первых мест в мире по показателям социального неравенства (индекс Джинни порядка 50%) и является страной с постоянно беднеющим населением. По данным Всемирного банка 40% наших соотечественников живет за чертой бедности, т.е. тратит на себя в день менее двух долларов.

Феномен «новых русских» актуализируется не только потому, что в их руках сосредоточены основные средства производства и полезные ископаемые, но и потому, что теперь по-новому воспринимаются многие социальные ценности. «Философия денег», исповедуемая «новыми русскими», сместила эти ценности, подменила многие привычные для нас понятия и, прежде всего, морально-этического характера; они создали совершенно новый тип социальных и политических ценностей, новую ментальность и новые социальные ориентиры, а также способы их достижения.

⁵¹ Крыштановская О.В. Трансформация бизнес-элит России: 1998-2002 // Социс. 2002. №8.;

⁵² Djlilas M. The new class. London, 1957.

⁵³ См.: Pro et Contra. Три века отечественных реформ. Т.4. №. С. 15.

Другая особенность «новых русских» в том, что они создали совершенно тупиковую ситуацию в развитии экономики, государства и общественного согласия. Получив важные экономические выгоды, «новые русские» не оказались новой силой, способной рефлексировать важные государственные идеи. Богатство и просвещение оказались по разные стороны социальной дифференциации, которая воспроизвела разделение между крупной собственностью, с одной стороны, и культурой и государством, с другой стороны.

«Новые русские» не только в целом не поняли и не приняли природу государства как политического института, но и явно недооценили его консенсусные функции. От этого во многом у них не получился диалог с обществом. Причем попытки достигнуть согласия с обществом свелись к чисто юридическим процедурам. Стремление «новых русских» идентифицировать себя на противопоставлении власти и собственности привело к искажению или утрированному восприятию многих базовых социально-экономических и политических понятий. С одной стороны, власть и собственность рассматривались как антиподы; с другой стороны, власть представлялась в нужных ситуациях как наиболее универсальное средство решения экономических и социальных вопросов.

Основной интерес «новых русских» пока связан не с развитием производства, созданием новых рабочих мест, а с перераспределением собственности. Отсюда - массовое стремление бизнес-слоя непосредственно участвовать в политике, быть членами Федерального собрания, правительства, наконец, заседать в местных представительных органах. «Они «идут в политику» не потому, что хотят удовлетворить те или иные потребности «высшего порядка», а из озабоченности сохранить и приумножить удачно приватизированную собственность.

«Новые русские» являются экономически господствующей социальной средой, которая не выдвинула каких-то оригинальных, национально адаптированных форм перехода к рыночным отношениям и информационным технологиям. Отчетливо обнажаются две особенности ментальности «новых русских»: а) понимание прогресса по зарубежному опыту; б) понимание собственного общества в основном как технологической матрицы в проведении крупномасштабного социального эксперимента.

Понятие рынка интерпретировалось таким образом, что под него можно было подвести любую экономическую технологию власти. В рамках усеченного и направленного смысла допускается и дозированная критика режима, но она встроена в общую концепцию и механизм идеологического давления на массы.

Вместе с тем, благодаря «новым русским», монетаристская ментальность стала характерна для всех слоев общества. Всё имеет финансовый эквивалент: от стоимости депутатской должности до изменения

свидетельских показаний. Этот менталитет воспроизводится весьма своеобразно в социальной среде: массовая бедность в свою очередь актуализирует идеи социального равенства в форме равенства имущественного.

Поиск межгруппового согласия - одна из настоятельных потребностей современного российского общества, особенно когда речь идет о согласии между элитными и внеэлитными группами.

Четвертая глава «Концептуальные идейно-политические основания социальной дифференциации и политической консолидации общества» в авторской интерпретации рассматриваются важнейшие идеологические концепции консолидации.

В первом параграфе характеризуются основные положения «русской идеи» как фактора социальной идентификации и консолидации общества. Разрушение советской государственности и проблемы государственного строительства в изменяющейся России вновь поставили на повестку дня вопрос о некой объединяющей идее, какой виделась в первую очередь «русская идея»⁵⁴, которая могла бы консолидировать общество. Не приемля ни либерализма, ни коммунизма в старом виде, предлагалось, в частности, взамен государственно-бюрократическому социализму и рыночно-потребительскому капитализму - новое триединство общенациональной идеи: Духовность, Народовластие, Державность⁵⁵.

В связи с этим считаем необходимым заметить, что «русская идея» не просто является определенной идеологической системой или символом социокультурной идентичности русского этноса. Она включает разноплановые концептуальные построения об идее и социально-исторической миссии русского этноса: сущности определения русского государства, его роли и отношений с другими социальными и политическими институтами. «Русская идея» вне имперского своего опосредования представляет в основном филологический интерес. Поэтому она и сейчас положительно воспринимается в среде русской интеллигенции и довольно прохладно - в других ее слоях.

В «русской идее» сравнительно ограничена либеральная составляющая. «Идея» трудно вписывается в идеологический процесс, а идеологии, как известно, опираются на социальную дифференциацию общества, на интересы не социума в целом, с чем обычно ассоциируется «идея», а на интересы различных общественных групп, нередко противостоящих друг другу. Тем не

⁵⁴ См., например: Россия в поисках идеи. Анализ прессы. Рабочие материалы. Вып. 1. М., 1997. С.28-35; Троицкий Е.Одно другим наполняется // Российская газета. 16.01.97; Стреляный А. Идея на «Свободе»//Российская газета. 26.10.96.

⁵⁵ Осипов Г.В. Россия: национальная идея, социальные интересы и приоритеты». М.:Фонд содействия развитию социальных и политических наук. 1997, С. 161.

менее элементы «русской идеи» так или иначе всплывают в современных идеологических построениях.

Необходимо заметить, что интеллигенция и сторонники «русской идеи» существовали в общем дискурсивном пространстве. Если интеллигентский дискурс поначалу развивался в постоянной критике власти, то «Русская идея» - это скорее критика интеллигенции, она есть кредо наиболее просвещенной, образованной части общества, по своему понимающей интересы общества, государства и нации; просвещенной, но отторгнутой государством как интеллектуальный и моральный лидер.

Однако малые этносы, понимая свою экономическую и политическую зависимость от русского, титульного этноса, пытаются придать «русской идее» не столь ортодоксальный характер, продвигая, к примеру, идеи евразийства. Евразийство в настоящее время есть «русская идея» связанная с включением в имперский или постимперский контекст некоторых азиатских этносов. Это один из вариантов адаптации «русской идеи».

Современную «русскую национальную идею» ее сторонники пытаются формировать под существующую реальность, включая в нее как элементы высокой философско-политологической рефлексии, так и положения обычных партийных программ. Авторы новой «концепции» полагают, что «предлагаемые идеи могут стать содержательной основой общественного согласия и явиться консолидирующим началом для политических сил, имеющих демократическую ориентацию и принимающих рамку права»⁵⁶. Заявка и надежда весьма сомнительны, так как «Русская идея» изначально с демократией непосредственно не связана.

Сегодня отсутствует единство в понимании объединяющих основ для общенациональной идеологии. Одни ученые предлагают в основу ее положить экологическое сознание, другие - традиционные духовные ценности, третьи - государственность и патриотизм, четвертые - религиозное сознание⁵⁷. В качестве альтернативы «русской идеи» и недостижимой общенациональной идеологии, предлагалась также так называемая интегративная идеология, задача которой, по мысли авторов, — выработать механизм, позволяющий обеспечить согласование позиций и интересов "несогласных". В дискурсе о новой идеологии в России нет и трудно достичь согласия. Данные социологических исследований свидетельствуют, что ни одна идея (ни идея национального возрождения, ни идеи сильной России, ни идея возврата к социалистическим принципам, ни строительства свободной

⁵⁶ русская идея: демократическое развитие России. М., 1996. С. 9.

⁵⁷ Андреев Э.М., Кузнецова А.В. Культура патриотизма и консолидация общества. М.:ИСПИ РАН, 2004.; Демин В.М. Современная интеллигенция и русская национальная идея. М,Омск, 2003.; Попов М.Ю. В поисках идеологии консолидации // Социс. 2004. № 10. С. 128-129.

экономики) в России не воспринимается большинством так, чтобы претендовать на роль общенациональной идеологии⁵⁸.

Таким образом, современные попытки оживить «русскую идею» как современную идеологию, видимо, не имеют перспектив на успех, поскольку во-первых, модернизация «идеи» есть уход от нее в сторону осовремененных мировоззренческих штампов, проблем и категорий, а во-вторых, серьезным препятствием является глубокий раскол и общества, и интеллигенции.

Во втором параграфе «Актуальные и маргинальные идеологии как символ и механизмы политической идентификации общества» рассматриваются идеологии с точки зрения реализации ее базовых функций (познавательной, программно-целевой, оценочной, футурологической, интегрирующей, защитной, социально-организующей и мобилизующая функция), независимо от классового характера. В зависимости от того, в каком объеме те или иные идеологии выполняют указанные функции, их можно разделить на актуальные и маргинальные.

Актуальные реализуют отмеченные функции почти в полном объеме, маргинальные - лишь частично. Актуальная идеология имеет в обществе достаточно многочисленную социальную базу, чей интерес концептуализируется. Ее специфика - связь с политическим движением, которое по тем или иным причинам не устраивает существующий социальный порядок. Актуальная идеология, особенно в транзитивных системах, претендует на целостное видение социального переустройства общества и стремится к осуществлению этого переустройства. В связи с этим, актуальные партии - это партии, вписавшиеся в социальную структуру общества, имеющие в обществе социальную и интеллектуальную опору.

Маргинальная идеология может быть идеологией становящейся или уходящей. Для России характерны и те, и другие. К маргинальным идеологиям относятся многие традиционные российские идеологии, но не нашедшие себя в новых условиях. Для них характерно отсутствие социальной базы, неадаптированность к социальным условиям, кружковый характер организации, слабое интеллектуальное обеспечение. Маргинальные партии возникли в начале процесса демократизации на самой различной основе: по аналогии с зарубежными государствами, по аналогии с дореволюционной Россией; на базе диссидентских организаций. К маргинальным идеологиям можно отнести идеологии политического центра, если их вообще можно назвать идеологиями, хотя они и подкреплены сильным политическим влиянием. Через имперско-коммунистическую идеологию мы имеем человека массового; через либеральную идеологию - человека нетипического; через центристскую идеологию мы не можем вычислить политический тип человека.

⁵⁸ Исследование: Россияне о судьбах России в XX веке и своих надеждах на XXI век (ИКСИ РАН); N - 2054. Выборка - Всероссийская репрезентативная.

Актуальными в настоящее время, по нашему мнению, являются две идеологии и соответственно, две партии - коммунистическая и либеральная. Именно они воплощают два взаимоисключающих, казалось бы, но дополняющих друг друга в реальности, процесса - массовое обнищание большинства населения и обогащение незначительной его части. Естественно, за нищим населением стоят коммунисты, за богатым - либералы. Коммунисты выступают под лозунгом социального равенства и социальной справедливости, либералы - под лозунгом свободы и прав человека. Коммунисты распространяют свои принципы на все население, либералы - только на богатое. Левые силы активно эксплуатируют патриотические и национальные лозунги. Либералы, наоборот, разводят проблемы демократии и патриотизма, весьма осторожны в вопросах религии.

Эта бинарная оппозиция неизбежна потому, что и правые, и левые идентифицируются по принципу отталкивания. Что хорошо правым, не воспринимается левыми. Такое возможно только в обществе жесткой социальной дифференциации, когда идеология напрямую зависит от материального положения.

И правый, и левый фланг политического спектра имеет определенное число сторонников. С одной стороны - это значительная группа, желающая восстановления советско-коммунистических порядков, с другой - меньшую по численности (но в силу иных материальных возможностей, весьма влиятельную) группа приверженцев сегодняшнего положения вещей. Преобладающая же часть населения не приемлет ни возврата к догорбачевским порядкам, ни квази-рыночных реформ. При этом одна часть группы делает акцент на неприемлемости возврата, другая — на недопустимости продолжения нынешних реформ в неизменном виде. Преимущественную часть электората, голосующего за партию власти и за оппозицию, составляют граждане, чьи установки различаются скорее в частностях, чем по существу. В целом же около 60% населения не идентифицируют себя с какой бы то ни было партией.

Анализ коммунистической идеологии как актуальной, степени ее влияния на современное общество, показывает, что в утопиях коммунизма есть много элементов, которые делают его жизнеустойчивым на долгие времена.

"Народный социализм" в послереволюционной России, а затем в Советском Союзе существенно отличался от официальной "марксистской идеологии" и менялся на разных этапах развития советского государства. Агрессивно-уравнительный характер он имел преимущественно в период революции и первые годы советской власти. В дальнейшем "народный социализм" приобрел иные культурные формы, впитал в себя традиционные общинные ценности российской цивилизации. Идея социализма стала обыденной доктриной выживания, комплексом распределительных представлений, норм взаимоотношений, правил личного поведения.

При этом огромное количество населения не разделяет в полной мере ни правых, ни левых идеологических конструкторов. Ныне главная ценность общественной жизни большинства россиян - стабильность, порядок, законность, отсутствие кардинальных сдвигов, которыми грозят и правые, и левые. Партии власти привлекательны для российских граждан тем, что они ассоциируются с умеренным прагматизмом в государственном управлении, с усилением роли государства в экономической жизни, с определенными социальными гарантиями. Даже в своих названиях центристские партии избегают идеологической составляющей, останавливаясь на неопределенных и многозначных смыслах. В реальной политической практике центризм как креатура власти выражает и будет выражать интересы элитных групп общества, оставаясь сателлитом центральной власти.

В третьем параграфе «Российский федерализм как механизм политической консолидации власти» мы показываем, что особенно остро стоит проблема консолидации в многосоставном обществе, где, в силу глубочайших социальных различий и политических противоречий, трудно поддерживать стабильный демократический порядок⁵⁹.

В России сегментарные различия имеют языковую, этническую, религиозную, территориальную, идеологическую основу, что и определило в известном смысле уникальный и противоречивый характер российского федерализма, который, будучи наиболее адекватной формой государственного устройства для многосоставного общества, являлся определенным шагом вперед для России, всегда существовавшей в рамках жестко централизованной системы.

Консолидация в контексте государственного строительства является эффективным проектом разрешения и институционализации конфликтов между различными уровнями власти, интеграции различных уровней власти, на принципах федерализма и федеративной политики государства. Собственно федерализм как форма государственного устройства представляет собой способ согласования интересов регионов и центра.

В определенном смысле концепция и модель федерализма, которая на том или ином этапе реализовывалась в нашей стране, является показателем зрелости и ответственности политической элиты, степени ее консолидированности.

Отметим, что хотя консолидация власти и консолидация общества тесно взаимосвязаны, это разные процессы, причем в обществах нестабильных роль государства в процессе консолидации неизбежно возрастает. Это связано в первую очередь с задачами сохранения государства, достижения консенсуса в обществе, ибо консенсуальные политические системы являются и системами легитимными.

⁵⁹ Лейпхарт А. Демократия в многосоставных обществах. Сравнительное исследование. Пер. с англ.: Аспект Пресс, 1997. С.35.

На первом этапе существования Россия пережила этап неконтролируемой суверенизации и республиканизации, к моменту принятия Конституции структура подлинно федеративных отношений не сложилась, политические силы, стоящие у власти, были разобщены, что компромиссный характер конституционной модели российского федерализма. Регионы на этом этапе стали не только носителями идей децентрализации, но и сепаратизма.

Развитие федерализма во многом определялось деятельностью и интересами федеральной и региональных политических элит, которые противостояли друг другу на первом этапе существования российского государства. Провинциальную и региональную элиту возмущала монополизация российских финансовых ресурсов центральной бюрократией, центр не устраивала региональная вольница и нарушение федерального законодательства⁶⁰.

Смещение центра политической и экономической жизни в регионы, усиление влияния региональных проблем на политическую и социальную ситуацию в стране подтолкнуло федеральный центр к проведению административной реформы, главной целью которой стало ослабление регионального сепаратизма и централизация финансовых ресурсов. Изменение системы взаимоотношений центра и регионов проходило в несколько этапов. В 2000 г. были созданы федеральные округа, а позже Администрация Президента подготовила целый пакет нормативно-правовых актов, целями которых, как провозглашалось, было обеспечение «диктатуры закона», «восстановление в стране работающей властной вертикали»⁶¹. Эти документы предполагали новые правила формирования Совета Федерации ФС РФ, вводили механизм федерального вмешательства, позволяющий отстранять от должности высшее должностное лицо субъекта федерации, а региональным парламентам - распускать представительные органы местного самоуправления.

Принятых мер явно оказалось недостаточно и созданная комиссия по разграничению полномочий под руководством Дм. Козака разработала и внесла в 2003 г. в ГД два законопроекта⁶², которые должны решить проблему

⁶⁰ Борьба с центристскими силами в регионах в тот период велась в виде развертывания кампании по борьбе с коррупцией, с нарушениями прав человека со стороны местных властей и т.д.

⁶¹ Закон «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов РФ»; Федеральный закон «О порядке формирования Совета Федерации Федерального Собрания РФ» от 19 июля 2000 г.

⁶² "Об общих принципах организации местного самоуправления" и новую редакцию закона "Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов РФ"

распределения полномочий между различными уровнями власти, а в действительности централизуют законодательные полномочия и права межбюджетных отношений, регулятивные и контрольные функции.

И, наконец, пропрезидентское большинство в 2004 г. проголосовало за новый порядок выборов в Государственную Думу ФС РФ и новые принципы формирования исполнительной власти, в соответствии с которым главы регионов будут избираться по представлению президента областными законодательными собраниями.

Подавляющее большинство руководителей субъектов федерации и представителей административно-политической элиты поддержали инициативы президента, а оппозиция не смогла обеспечить каких-либо реальных протестных акций, что дает основания говорить о том, что консолидация власти в России уже состоялась, основной центр власти в России сегодня один, т.к. центристские тенденции, вызванные усилиями федерального центра привели к стабилизации российского федерализма, а изменения в избирательном законодательстве обеспечивают политической элите находящейся у власти, значительные преимущества, снижая шансы малочисленных партий, являющихся носителями неэлитарных идеологий. Идея централизации власти довольно популярна в российском обществе, а проблема федерализма сама по себе пока не актуальна для населения (скажем, самостоятельность регионов беспокоит только 1,3% россиян). Одним из необходимых условий совершенствования государственной системы нашим согражданам видится соблюдение политики подчинения местной власти - региону, а региона - центру. Поэтому и предложения президента об усилении вертикали власти встречают понимание и поддержку у большинства населения России.

Российский федерализм в любом случае был сформирован «сверху», что и предопределило его сложность, асимметричность и декоративность. Отсюда - и противоречивость восприятия идеи федерализма в общественном сознании. Для большинства россиян за термином «федерализм» практически ничего конкретного не стоит (каждый третий россиянин вообще не знаком с этим понятием). В отличие от большинства федеративных стран (США, Канада, Швейцария, Бельгия, Германия), федерализм в России не стал базовой общественной ценностью, и тем более частью национальной идеи. Проблемы федерализма не входят в число приоритетных направлений деятельности структур гражданского общества.

В условиях консолидации власти местное сообщество, как носитель территориального самосознания, не смогло выступить одним из центров влияния и власти, стать одним из институтов гражданского общества. Естественное стремление местной и региональной политической элиты

⁶³ Thomas R. D. Politics in States and Communities. 10th ed. Prentice Hall. Upper Saddle River, New Jersey, 2000. - p. 56-64,89-97,326-330.

остаться у руля, вписаться в новую «псевдо-демократическую» партийную реальность, не позволяет развиваться демократическим началам на местах. Слабость местного уровня власти ведет к тому, что огосударствление местного уровня власти воспринимается в общественном мнении как положительный сдвиг.

Закоренелая привычка перекладывать решение всех проблем на государство ведет к тому, что «демократии участия» как прямого, непосредственного участия рядовых граждан в политическом процессе, перераспределении ресурсов и властных полномочий, выражения их интересов перед лицом власти, в чистом виде в России не существует. Анализ результатов и региональных, и местных выборов последних 2 лет показывают, что на всех уровнях управления ныне лидирует «партия власти», которая в ходе успешного партстроительства практически слилась с региональной администрацией.

Эффективный федерализм как способ децентрализации власти при обеспечении общенациональных интересов, возможен только при условии существования сильных и развитых местных сообществ, различных институтов гражданского общества - от партий и общественных движений до различных краткосрочных групп по реализации определенных интересов.

Поскольку единственной возможностью сохранения территориальной целостности России является создание и развитие подлинного федерализма как способа эффективной децентрализации власти при обеспечении общенациональных интересов, то основной задачей на ближайший период и для власти, и для важнейших институтов гражданского общества могла бы стать работа по инкорпорации идеи федерализма в систему политических ценностей российских граждан, которым предстоит не только усвоить свои права, как жителей федеративного государства и членов местных сообществ, но и освоить эти права.

В заключении приводятся основные теоретические выводы и итоги диссертационного исследования, обобщаются его результаты. В Приложениях представлены таблицы, диаграммы, схемы, результаты базовых социологических исследований.

Основные результаты работы изложены в публикациях автора.

Публикации автора по теме диссертации.

Монографии.

Великая Н.М. Политическая консолидация российского общества в контексте его социальной трансформации. Санкт-Петербург, 2003. (6,25 п.л.)

Великая Н.М. Идеино-политические основы консолидации современного российского общества. Саратов.СГСЭУ, 2004. (11 п.л.)

Публикации в изданиях, утвержденных ВАК.

Великая Н.М. Основные тенденции политического участия российских граждан в системе местного самоуправления // Социс, 2003. - № 8. (0,8 п.л.)

Великая Н.М. Особенности политической консолидации центристских партий в третьем электоральном цикле // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2004. № 8. (1 п.л.)

Научные статьи, другие публикации.

Клопыжникова Н.М. О возможностях ценностного сдвига в российском обществе в условиях кризиса (статья) /Социально-экономические механизмы трансформации российского общества. Коллективная монография. - Саратов: ИСЭП АПК РАН, 1996.(1,0 п.л.)

Клопыжникова Н.М. Российское крестьянство и перспективы аграрного реформирования // Свободная мысль, 1995. - № 5. (1 п.л.);

Клопыжникова Н.М. Влияние традиционной крестьянской культуры на становление рыночных отношений на селе/ Проблемы перехода России к рыночной экономике. Сб.работ авторов, получивших гранты МОНФ и Фонда Форда. М, 1996. (1,2 п.л.);

Клопыжникова Н.М. К вопросу о динамике мотивирующих структур сознания / Региональные агросистемы: экономика и социология. Ежегодник - Саратов, ИСЭП АПК РАН, 1995. (0.3);

Великая Н.М. Особенности становления системы местного самоуправления в РФ (сравнительный анализ моделей) / Перспективы самоуправления и самоорганизации в России. Сб. по итогам конкурса. М.: Московский общественный научный фонд, 2000.1 п.л.

Великая Н.М. Местное самоуправление в контексте основных теорий государства / Государственная служба и общество. Сборн. тезисов итоговой научно-методической конференции СЗАГС-2000.С-Петербург, СЗАГС, 2000. (0,4п.л.)

Великая Н.М. Политическое участие в системе МСУ/ Ежегодник СЗАГС. - СПб.: СЗАГС, 2001.(1 п.л.)

Великая Н.М., Шишкин В.В. Региональное управление. Учебное пособие. Санкт-Петербург: СЗАГС, 2001. (6 п.л.)

Великая Н.М. Менеджериализм в системе местного самоуправления: общетеоретические аспекты // Философская и правовая мысль. Альманах. Вып 1. - С.-Петербург - Саратов. Изд-во «Стило», 2001 - № 1. (1 п.л.)

Великая Н.М. Мифологическое в сознании русской интеллигенции/ Жизненные стили и социальные практики интеллигенции: Сб. статей/Под ред. Ж. Тощенко. М.:РГГУ, 2002. (0,8 п.л.)

Великая Н.М. Интеллигенция и власть / Материалы научно-практической конференции СЗАГС. СПб.:СЗАГС, 2002. (0,3 п.л.)

Великая Н.М., Шишкин В.В. Проблемы и перспективы российского федерализма // Свободная мысль. 2002. - № 9 (1 п.л.)

Великая Н.М. Российская интеллигенция как субъект политико-идеологического процесса: особенности ее ментальное™ и идентификации / Интеллигенция в обществе риска. Сб.ст. по материалам научной конференции. М.: РГГУ, 2003. (1 п.л.)

Великая Н.М., Шишкин В.В. МСУ: Еще одна попытка реформы // Свободная мысль, 2003. - № 6. (1 п.л.)

Великая Н.М. Изменение системы местного самоуправления в контексте административной реформы / Россия на пути реформ: федеральный и региональный аспекты. Сборн.статей в 2-х кн. под ред. Наумова С.Ю. Кн.2. Саратов: ПАГС, 2003. (1,2 п.л.)

Великая Н.М. Возможности политической консолидации и деятельность центристских партий в третьем электоральном цикле // Человек и власть в современной России. Вып. 6. Саратов. Изд-во СГСЭИ, 2004. (0,5 п.л.)

Великая Н.М. Политическая консолидация в России и место интеллигенции в современном политическом процессе / Гражданские позиции интеллигенции. Камо грядеши. Сб.ст. по материалам международной конференции. М.: РГГУ, 2004 (1 п.л.)

Великая Н.М. Закулисная повседневность Государственной Думы // Свободная мысль. 2004. - № 4. (1,0 п.л.)

Великая Н.М. Возможности консолидации власти и местного сообщества / Сборник материалов международной конференции «Демократия и местная власть». Уфа, 2004. (0,4 п.л.)

ВЕЛИКАЯ НАТАЛИЯ МИХАЙЛОВНА

Идейно-политические основания и механизмы политической
консолидации современного российского общества

23.00.02- политические институты, этнополитическая конфликтология,
национальные и политические процессы и технологии

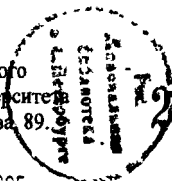
Автореферат

Диссертации на соискание ученой степени
доктора политических наук

Автореферат
Подписано в печать
Бумага типолгр. № 1
Печать офсетная
Заказ № 7

Формат 60x 1/16
Гарнитура «Times»
Уч.-издат. л.
Тираж 120 экз

Издательский центр
Саратовского государственного
социально-экономического университета
410003, г. Саратов, ул. Радищева, 89.

2989

44 16 ФЕВ 2005